

Владислав Рехтин

Сбой в протоколе

Владислав Рехтин

Сбой в протоколе

<https://litres.ru/74393248>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Единственный способ избавиться от искушения — поддаться ему. В Нео-Версале за это положено Обнуление».

— Из дневников леди Элеоноры де Рошфор, сожженной за «органическую ересь».

В этой книге вас ждут: троп «от ненависти до любви», ментальная связь и чувства на двоих, ледяной герцог, который тает только для неё, вынужденная близость, киберпанк-эстетика, дворцовые интриги и сильная героиня. Финал — хэппи-энд.

Содержание

Глава 1. Токсичная доза	4
Глава 2. Архитектура Пустоты	8
Глава 3. Синхро	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Владислав Рехтин

Сбой в протоколе

Глава 1. Токсичная доза

Зал дышал хромом.

Гигантские своды Большого Бального Зала уходили в темноту, давя на плечи невидимой, рассчитанной алгоритмами тяжестью. Воздух гудел. Это был не звук, а физическая вибрация — низкий, вибрирующий бас серверов, спрятанных под мраморным полом, отдавался в зубах мелкой, противной дрожью.

Аэлия де Рошфор стояла у края танцпола, чувствуя, как тяжелый, расшитый оптоволоконном шелк корсета впивается в ребра. Её плоть протестовала. Ткань не давала дышать полной грудью, но протокол дебютантки запрещал ей даже ослабить шнуровку. Любое отклонение от идеальной осанки фиксировалось камерами, а баллы социального рейтинга таили бы быстрее, чем лед в шампанском.

Вокруг кружились пары. Их движения были откалиброваны до микрона. Улыбки — симметричны, как у фарфоровых манекенов. Идеальный, стерильный мир, где боль была искоренена, а вместе с ней — и всё остальное.

К ней приближался Герцог де Вандер.

Аэлия видела, как на его виске пульсирует серебряный порт для синхро. Он хотел «попробовать» её. Для пресыщенной элиты её страх был деликатесом, нелегальным наркотиком, который они высасывали через прямое подключение, оставляя «органиков» выжженными, пустыми оболочками.

— Мадемуазель де Рошфор, — голос Герцога был лишен вибраций, ровный, словно синтезированный модулятором. — Позвольте пригласить вас на кадрили. И на... сеанс. Моя нервная система так истощена светскими беседами. Мне нужна ваша... искренность.

Он протянул руку. Кожа на его перчатке была идеальной, слишком гладкой.

Аэлия знала: если их порты соединятся, он выпьет её панику. Он почувствует, как она боится за брата, как её тошнит от этого зала, как она хочет кричать. Но Аэлия не просто боялась. Прямо сейчас, глядя на его самодовольную, «хромированную» морду, она была зла.

Гнев — это токсин.

Она не стала отступать. Вместо этого она закрыла глаза и вызвала в памяти лицо брата, Лео. Лео с его пустой, «счастливой» улыбкой после установки Демпфера. Лео, который больше не узнавал её колыбельных. Она вложила в свой нейронный импульс всю ярость, всю грязную, липкую, органическую ненависть к этому миру. Она не стала прятать эмоцию. Она направила её.

Когда их запястья соприкоснулись и скрытые в коже пор-

ты щелкнули, раздался тихий треск.

Сбой.

Герцог дернулся. Его безупречная улыбка исказилась в гримасе животного ужаса. Его импланты не смогли переварить концентрат её ярости — они начали перегреваться, отторгая её плоть как вирус. От его виска пошел тонкий струйка дыма, пахнувшего горелым озоном и паленой кожей. Он рухнул на колени, хрипя и царапая мрамор идеально manicured ногтями.

Музыка не смолкла. Никто из «хромированных» аристократов даже не повернул головы — их фильтры восприятия просто стерли неприятную картину, классифицировав Герцога как «незначительную помеху».

Но из тени колонны шагнул он. Кассиан Вейл. Имперский Арбитр.

Его лицо было маской из матового металла и холодной, бледной кожи. Он смотрел не на корчащегося Герцога. Он смотрел на Аэлию.

В этот момент Аэлия почувствовала странный холодок у себя в затылке. Через остаточную связь портов она на долю секунды ощутила его состояние. Там не было гнева. Там была абсолютная, звенящая, мертвая пустота. И где-то на самом дне этой пустоты — крошечная, забытая искра фантомной боли, которая впервые за десять лет проснулась от её яда.

Кассиан медленно наклонился к ней. Его голос был ти-

хим, но в нём впервые за вечер прозвучала настоящая, человеческая угроза:

— Вы только что отравили члена Высшего Дома, мадемуазель. Вы понимаете, что ваш код сейчас помечен на стирание?

Аэлия подняла на него глаза. Её зрачки, к её ужасу, на секунду вспыхнули красным — цветом необработанной ошибки.

— Я не отравила его, Арбитр, — прошептала она, чувствуя, как по спине течет предательская капля пота. — Я просто перестала притворяться едой.

Кассиан смотрел на неё еще секунду. Потом его рука, холодная и твердая, как сталь, сжала её локоть. Не грубо. Но так, что она поняла: бежать она не сможет.

— Протокол требует вашего Обнуления, — сказал он, уводя её с танцпола, в темноту коридоров, где не было камер. — Но я предлагаю вам сделку.

Глава 2. Архитектура Пустоты

Комната для допросов Арбитра не была похожа на тюремную камеру. Она была похожа на операционную, спроектированную садистом с безупречным вкусом. Стены из белого композита, стол из черного стекла, и ни одного стула для допрашиваемого.

Аэлия стояла. Её ребра ныли от корсета.

Кассиан Вейл сидел за столом, сложив руки. Его импланты, тонкие серебряные нити, вплетенные в кожу шеи и висков, мягко светились в полумраке. Он сканировал её. Не глазами — нейросетью.

— Ваш биоритм нестабилен, — констатировал он. Голос был лишен модуляций. — Уровень кортизола зашкаливает. Вы испытываете страх. И... агрессию. Это незаконно.

— А вы испытываете хоть что-нибудь, кроме желания меня стереть? — парировала Аэлия.

Кассиан моргнул. Медленно. Как камера, меняющая фокус.

— Эмоции — это биохимический шум, де Рошфор. Ошибка эволюции. Они заставляют нас совершать иррациональные поступки. Причинять боль.

Он встал и подошел к ней. От него пахло стерильностью и озоном.

— Десять лет назад, — произнес он тихо, и в этом тихом

звук Аэлия услышала то, чего не должно было быть — надлом. — Я любил. Это была органическая, грязная, иррациональная привязанность. И из-за вспышки ревности — того самого «шума», который вы так боготворите — я не нажал кнопку блокировки шлюза. Мой дом был атакован. Моя сестра была стерта.

Аэлия замерла. Она почувствовала, как её собственная ярость отступает, наталкиваясь на ледяную стену его травмы.

— Я исправил свою ошибку, — продолжил Кассиан, касаясь пальцем своего виска. — Я удалил шум. Теперь я идеален. Теперь я безопасен.

— Вы мертвы, — выдохнула Аэлия. — Вы просто ходячий призрак в хромированной оболочке. Вы думаете, что спасли себя? Вы просто забальзамировали свою вину.

Воздух между ними сгустился. Кассиан посмотрел на неё так, словно она только что ударила его. Его рука дрогнула. Сбой. Микроскопический, но она увидела это. Его идеальная система не знала, как реагировать на правду.

— Вы — наркотик, де Рошфор, — прорычал он, и в его голосе впервые прорезался не синтезатор, а хрип. — Вы — ходячая эпидемия. Император хочет вас уничтожить. Мадам Дезире хочет вас препарировать.

— А чего хотите вы?

Он шагнул ближе. Его лицо было в дюйме от её лица. Она видела в его глазах не холод, а голод. Голод человека, кото-

рый десять лет ел только лед и теперь увидел огонь.

— Я хочу знать, каково это, — прошептал он. — Я хочу понять, почему вы готовы сгореть за свою боль, вместо того чтобы просто отключить её.

Он поднял руку и провел пальцем по её шее, останавливаясь у скрытого под волосами нейропорта.

— Я дам вам доступ к Серверу Предков. К сейфам Императора. Вы взломаете их и вернете долг своей семьи, чтобы их не стерли.

— Зачем вам это? — нахмурилась Аэлия.

— Потому что взамен вы будете моим личным «демпфером», — сказал Кассиан, и его слова повисли в воздухе, тяжелые и токсичные. — Каждую ночь. Вы будете подключаться ко мне. Вы будете отдавать мне свои эмоции. Вы будете чувствовать за меня то, что я убил в себе. Если вы откажетесь — я сотру вашу семью сегодня же.

Аэлия посмотрела на него. Она поняла, что он не просто хочет «попробовать» её, как Герцог. Он хочет заразиться. Он хочет, чтобы она стала его болью, потому что только боль может доказать, что он всё ещё жив.

— Хорошо, Арбитр, — усмехнулась она, и её глаза вспыхнули опасным, органическим огнем. — Но предупреждаю. Мои чувства не имеют дозировки. Если вы откроете мне дверь... я не оставлю от вас камня на камне.

Глава 3. Синхро

Первый синхро произошел в его личных покоях.

Комната Кассиана была лишена декора. Только черные стены, кровать с идеально ровными простынями и кресло, в котором он сидел, ожидая её. На столе лежал тонкий, серебряный кабель — коннект для прямого синхро.

Аэлия села напротив. Её сердце колотилось так сильно, что она боялась, как бы он не услышал этот стук.

— Расслабьтесь, — сказал он, беря кабель. — Соппротивление вызовет только болевой шок.

— Мне не нужно расслабляться, — огрызнулась она. — Мне нужно чувствовать, чтобы выжить.

Кассиан не ответил. Он щелкнул коннектом в свой порт на виске, а второй конец протянул ей. Аэлия взяла его. Металл был холодным. Она вставила штекер в свой порт на шее.

Щелчок.

Мир взорвался.

Это не было похоже на обмен данными. Это было похоже на падение в колодезь. Аэлия вдруг перестала быть собой. Она стала Кассианом.

Она почувствовала его тело — не как плоть, а как сеть идеальных, холодных линий, по которым бежит ток. Не было ни тепла, ни усталости. Только бесконечная, звенящая тишина. Это был его «покой». И он был ужасен. Это был покой

могилы.

А потом она толкнула ему себя.

Она не стала давать ему легкую грусть или радость. Она дала ему Лео. Она дала ему тот день, когда она смотрела, как её младший брат улыбается пустой улыбкой после установки Демпфера. Она скормила Кассиану своё чувство вины, своё отчаяние, свою ярость к миру, который отнимает у людей души ради удобства.

В реальности Кассиан выгнул спину. Его руки впились в подлокотники кресла, ломая идеальный композит. Из его носа пошла кровь — густая, темная, почти черная.

В их общем пространстве он стоял на коленях перед ней. Его идеальный цифровой аватар трескался, как фарфор.

«Прекрати...» — его голос звучал у неё в голове, не как синтезатор, а как крик напуганного ребенка. «Это слишком громко. Это слишком... больно».

«Добро пожаловать в реальный мир, Арбитр», — мысленно ответила она, чувствуя, как её собственная боль смешивается с его ужасом, создавая нечто новое, пугающее и прекрасное. «Теперь ты знаешь, за что я сражаюсь».

Связь разорвалась.

Аэлия рухнула на пол, жадно глотая воздух. Её корсет казался ей теперь не клеткой, а спасательным кругом. Она посмотрела на Кассиана.

Он сидел в кресле, вытирая кровь с губы. Он смотрел на свою руку, на капли крови, и на его лице было выражение,

которое она никогда раньше не видела у «хромированных».

Это был страх. И... благоговение.

— Вы... — его голос дрожал. Он откашлялся, пытаясь вернуть модулятор в норму, но тот сбоил. — Вы опасны, де Рошфор.

— Я знаю, — выдохнула она, поднимаясь на шаткие ноги.

— Завтра в восемь вечера, — сказал он, отворачиваясь, чтобы она не видела, как дрожат его руки. — Не опаздывайте. Протокол не ждет.

Аэлия вышла из его покоев. В коридоре она прислонилась к холодной стене и улыбнулась. Она только что взломала самого опасного человека в Нео-Версале. Не кодом. А своей болью.

Но она еще не знала, что в этот самый момент, глубоко под дворцом, в резервуаре с питательной жидкостью, гигантский Биологический Мозг Императора открыл свои единственные, налитые кровью глаза. И впервые за сто лет — заплакал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.